

Николай Богданов «Фюнфкиндер»

Вот еще одна необыкновенная сказка войны.

Шли партизаны лесом. Израненные, усталые, голодные.

Вдруг видят упавший фашистский самолет. Заглянули — а в нем ящики конфет, мармеладу, шоколаду. Стали разбирать свалившиеся с неба трофеи.

Вдруг в хвосте кто-то зашевелился. Фриц? Да, один немец уцелел. Увидев партизан, он выхватил из кармана... фотографию. Загородился ею от автоматов и кричит жалобно:

— Фюнфкиндер! Фюнфкиндер!

Подскочил к нему партизанский разведчик, мальчишка Ленька, и рапортует командиру:

— Товарищ Фролов, у него на фотографии пятеро детей.

По лицу командира прошла не то улыбка, не то усмешка.

— Отставить! — скомандовал Фролов, и партизаны опустили автоматы.

Первый раз они пощадили врага. Известно — партизаны в плен не берут.

Некоторое время помолчали, не зная, что же с ним делать. Командир нашелся:

— Нагрузить на него шоколаду побольше, пусть тащит в лагерь ребятам гостинцы. Ясно?

Так немец, прозванный Фюнфкиндером, попал в партизанский лагерь, спрятанный среди непроходимых болот, где-то в лесах, между реками Пола и Ловать.

С удивлением разглядывали пленного женщины и дети. Фашисты — ведь это не люди. Они хуже зверей. У них и обличье должно быть ужасное. А этот на обыкновенного человека похож. Пожилой, худощавый, совсем не страшный.

С удивлением разглядывал и немец сказочное жилище партизан. Не то свайная деревня времен каменного века, не то гнездовье болотных птиц.

Прямо под водой, укрепленные на кольях, таятся в камышах шалаши, сплетенные из ивовых ветвей. Между ними жердочки. Ни печей, ни очагов для варки пищи. С виноватой улыбкой выкладывал он из мешка шоколад и конфеты.

— Что, смешно тебе — куда герман Русь загнал? — сказал Власыч, старик с ястребиным носом и лохматыми бровями. — Ничего, мы перетерпим, посмотрим, как вам достанется, когда наша возьмет!

Немец поежился под его зловещим взглядом. Опустил глаза и, указывая на себя, стал что-то объяснять.

Фролов слушал. Он когда-то, в десятилетке, изучал немецкий и теперь немного понимал.

— Должен вам доложить, товарищи, — сказал Фролов, — это авиамеханик. Самолеты обслуживал. А стрелять в нас — не стрелял.

— Все они так говорят, когда попадутся. А попадись ты ему, он бы тебе показал «рус капут»! Убью! Все равно убью! — крикнул Власыч.

— Прямо здесь? — усмехнулся Фролов. — А куда денешь? В болото. А как же тогда воду будем пить?

Вокруг засмеялись. Немец оглядел людей с надеждой.

— Ладно, — сказал Фролов, — оставим вопрос до утра.

— Вот, правильно — утречком я его и отведу в лес подальше...

Власыч, уложив немца в своем шалаше, сел с автоматом его караулить.

Не спалось пленному. Вздыхал, обирал комаров с лица. Не шел сон и к Леньке. Все думалось. Ненавидел он гитлеровцев не меньше Власыча. Но Фюнфкиндер... Странное дело... Тсс, как бы не услышали его мыслей... Этот немец похож на его отца, бывшего механика МТС, ушедшего на войну. И лицо сероватое, в щеках вкрапинки металлической пыли. И руки с мозолями. И так же горбится немного. И так же любит своих детей... Захотелось что-нибудь придумать, чтобы Власыч не исполнил своей угрозы.

И вот Ленька прокрался к командирскому шалашу. Фролов то бредил, то просыпался. Его мучила малярия.

— Товарищ командир, а товарищ командир, — тихо позвал Ленька, — а этому немцу у нас дело есть. Надо заставить его разобрать трофейные лекарства. У нас их куча, а какие к чему, не знаем.

— А? Что? Ну конечно. Где мешки эти? Распорядись утром.

Получив задание, Ленька выполнил его точно. Отыскал припрятанные под сухой осокой мешки с лекарствами и на рассвете, чтобы не прозевать немца, которого Власыч мог увести в лес, подошел к шалашу. Фюнфкиндер не спал. Он сидел, свесив ноги в болотный туман, и пучком осоки отгонял злющих комаров то от себя, то от Власыча.

Старик храпел, задрав бороду вверх. Автомат, зажатый в руках, то опускался, то поднимался на его широкой груди.

Ленька фыркнул в кулак: вояки! Один проспал, а другой не воспользовался, а? Разбуженный Власыч вскочил как встрепанный и попятился, увидев перед собой немца в мундире. Подумал, что ему снится.

— Дело есть, Власыч, — сказал Ленька. — Командир приказал — пусть немец лекарства рассортирует.

— А-а, это правильно. Хоть какую пользу принесет. А потом — в расход!

Они нас — мы их. Немцем меньше — нам легче. Так-то, Леня, — вздохнул Власыч.

...Собравшись в кружок, ребяташки и бабы, жуя шоколад, смотрели, как Фюнфкиндер работал. Ленька выгребал ему из мешков лекарства, а немец прочитывал надписи и раскладывал коробочки с порошками, баночки, скляночки аккуратно, не торопясь. Словно чуял — чем раньше кончит работу, тем скорее отведет его Власыч в лес.

Назначение лекарств объяснял без слов. Найдя таблетки от боли в желудке, показывал на живот, от головной боли — на голову. Однажды, изобразив дрожь во всем теле, сам проглотил и других одарил беленькими шариками. Ленька лизнул и определил — хина. Все обрадовались — малярия трепала жителей лагеря нещадно. От хины, глядишь, полегчает.

Найдя какие-то скляночки, шприц, длинные иголки, немец прижал их к груди, стал корчиться, изображать что-то страшное, но смотреть на него было смешно.

Догадался Власыч:

— А ведь это он, знаете, лекарство против столбняка нашел. Право.

И велел прибрать хорошенько такое дорогое и полезное лекарство.

— А может, лучше не убивать этого немца, дядя Власыч? — сказал после этого Ленька. — Глядишь, может, он еще к чему пригодится.

— Нынче уже поздно, — Власыч посмотрел, высоко ли солнце, — да мне и некогда, а вот уж завтра утречком я его отведу от греха подальше в лес...

Наступила вторая ночь, когда Леньке пришлось думать, какое бы дело найти Фюнфкиндеру, чтобы сохранить ему жизнь. Но выручил себя сам немец.

Утром он нарисовал на клочке бумаги проект водокачки и показал Власычу, Старик долго хмурился, разглядывая чертеж. А Фюнфкиндер, показывая рукой на болото, изображал тошноту, хватался за живот и всячески гримасничал, доказывая, что эту воду пить никак нельзя. Сам же он за весь прошлый день не выпил даже ни капли. И шоколад ел, и сухари грыз, а пить из болота не мог. Сидел, раскрылившись от жары, как больной грач, и слюнки глотал.

Сжалились над ним девчонки.

Набрали черники и угостили немца ягодой.

— Она кисленькая, — сказала Манечка, внучка Власыча, — когда пить хочется, очень помогает.

Немец поел ягод из горсти и украдкой погладил Манечку по голове.

Власыч в чертеже разобрался:

— Это, конечно, хорошо. Детишки дюже от воды хворают... Нам бы это — во спасение. Вот и фильтр тут. Вот и отстойник. Ну, да где же это нам материалов взять? Трубок всяких и прочего...

— А из самолетных обломков! — обрадовался Ленька. — Из них даже велосипед можно собрать.

Посоветовались на этот счет с командиром отряда, и пленный Фюнфкиндер под охраной старика и мальчишки был направлен «в командировку» к разбившемуся самолету — отыскать там все, что нужно для аппарата.

Понабрал Фюнфкиндер множество всего.

И трубок, и планок, и винтов, и гаечек, и листы алюминия. Разыскал даже среди обломков уцелевший инструмент: плоскогубцы, кусачки, отвертки, молотки, паяльную лампу. И возвращался довольный, как с ярмарки.

Водокачку он соорудил, потрудившись несколько дней вместе с Ленькой и другими добровольцами весьма успешно. И на свою беду. Когда из алюминиевой трубки — стоило покачать рычажок — пошла светлая, пахнущая хлором вода, Власыч даже засмеялся:

— Ишь хитрец, видать, не соврал, что механик. Ну, раз так, мы ему дело найдем!

Он давно мечтал исправить снятый с самолета крупнокалиберный пулемет и сшибать из него самолеты. До чего ж они завидно низко летят. Боятся наших «ястребков» и прямо по верхушкам сосен тянут. Везут окруженным в Демьянске гитлеровцам разные припасы. Метко стрелял Власыч тетеревов, глухарей, рябчиков. Но что это за дичь по сравнению с «птичкой», начиненной колбасой, ветчиной, консервами!

— Вот, — сказал он, притащив пулемет, — исправь-ка это ружьишко, отлично поохотимся!

Фюнфкиндер опустил голову. Чинить пулемет отказался. Ну и обозлился же Власыч:

— Ах, вон ты какой! И в плену заодно с гитлеровцами! Нам помогать не желаешь, значит, против нас? Немец есть немец, как его ни уважь — не будет он наш! Убью гада. Не могу вместе с ним дышать одной атмосферой!

Ленька стоял опустив руки, не зная, как защитить Фюнфкиндера. Вмешался Фролов:

— А чего ты кипятишься, Власыч! Нельзя заставить пленных воевать против своих, таков закон.

— Мы, партизаны, сами вне закона. Если ему Гитлер милей своей жизни, какой может быть разговор?

— Правильно! Верно! — поддержали старики партизаны. — Если ему фашисты дороже нашего товарищества, зачем он нам нужен?

— Да что вы пристали к нему? — вмешалась вдруг старая-престарая бабка Марья, мать Власыча. — Что он, профессор какой, во всем, как вы, разбираться? Обыкновенная несознательность. Боится — уважит он вас,

починит ружье, а вы пальнете, да в его товарища. В самолетах- то не одни гитлеры летят. Немцы разные бывают. Так-то.

— А нам разбираться некогда. Они-то нас — старого-малого подряд бьют, мамаша!

— Вот на то мы и русские, что виноватого от безвинного отличить можем! Не расходись, Петяшка, имей человеческую совесть! — прикрикнула старуха на своего седовласого сына, как на мальчишку.

— А вы бы его, мамаша, в сознательность привели, где его совесть, да!

— Экой ты скорый. Ты сколько лет при Советской власти жил? Ну то-то, а он нисколечко. Откуда же ему взять все в толк сразу? К таким снисходительность надо иметь, терпенье!

— Ох, не стерплю! Чую, не даст стерпеть ретивое!

С ворчанием Власыч принялся за починку пулемета, отобрав у немца весь инструмент.

А Фюнфкиндер понял, наверное, что Власыч — его смерть. Глядеть на него боялся. Старался скрыться среди женщин и ребятишек. Женщинам понаделал из алюминиевых листов с разбитых самолетов кастрюли-самоварки, бездымные жаровни, чтобы дымом лагеря не выдавать. Мальчишкам понаделал ножииков складных. Блесен для ловли щук смастерил. Девчонкам серьги, колечки. Трудился не переставая. И постепенно стал всем нужен.

Угодил и старикам, смастерив портсигары из небьющегося стекла.

Власыч по-прежнему косился злым взглядом, но больше не задевал. Только ворчал иногда:

— Постойте, вот убежит, карателей приведет, тогда вспомните мои слова, да поздно!

Ленька посмеивался. Он готовил еще один сюрприз — починял вместе с Фюнфкиндером рацию, снятую с самолета. Вот будет чудо, когда станут слушать Москву!

У ребят с Фюнфкиндером завелись и не такие тайны.

Однажды девчонки, набрав грибов, отправились в большое село Муравьево добыть хоть немножко соли.

Там была немецкая комендатура, стоял гарнизон, в каждом доме солдаты.

Они бойко выменивали на мыло, на соль, на иголки и зажигалки сало, масло, яйца и посылали домой.

Страшновато было ходить туда партизанским семьям, но все же пробирались и выменивали что надо. У некоторых была там родня, у других знакомые. Заметив, что немец сильно тоскует по своим детишкам, ребята уговорили его написать в Германию письмо, что, мол, жив-здоров и надеется увидеться

после войны. А девчонки это письмо доставили в Муравьево, а там сумели его опустить в германскую фельдпочту. Фюнфкиндер повеселел. Даже песни стал петь потихоньку. И обучил Манечку, которая напоминала ему младшую дочку — такая же беленькая, — немецкой песенке про елку: «О танненбаум, о танненбаум».

А Ленька уже болтал с ним по-немецки, с каждым днем все быстрее. И вдруг ужасное событие потрясло лагерь.

Случилось это неожиданно в один ясный, тихий день.

Девчонки пошли по ягоды, а Ленька вместе с партизанами на разведку.

Фюнфкиндер, как всегда, оставался дома и чего-то мастерил.

Возвращаясь тайными тропками с разведки, партизаны вдруг услышали стрельбу со стороны Волчьей Пасти — так называлось страшное болото, поглотившее немало заблудившихся телят, коров и овец, красавцев лосей, говорят, и людей.

Непроходимое это болото по виду было обманчивым и даже заманчивым.

Поверх трясины росла такая мягкая, такая нежная зеленая травка — так и тянет: пробеги по ней босиком, приляг, поваляйся.

Но горе обманутым! Под тонким травяным покровом скрывалась бездонная трясина, наполненная липкой тиной. Провалишься — и поминай как звали.

Почему на болоте стрельба? Кто-то просит помощи, наверное? Надо узнать, что случилось!

А случилось там вот что.

Девчонки в поисках самой лучшей, самой сочной ежевики вышли к берегам болота и вдруг увидели в Волчьей Пасти немецкий самолет. Вернее, один хвост его, торчавший вверх. Самолет как ткнулся, так и пошел носом вниз в трясину. Наверное, фашистские летчики приняли болото за ровную лужайку и, беды не зная, спланировали на нее. То ли моторы у них забарахлили, а может быть, подбили их в пути. И вот, смотрят девчонки — на хвосте лепятся немецкие летчики и пассажиры. Вначале показалось смешно.

Большие такие дяденьки, в мундирах, при оружии, а трусят, как зайчишки на коряге, застигнутые половодьем.

А потом обеспокоились девочки: засосет ведь их в болото. Жалко им стало — погибнут люди мучительной смертью.

Лесная, партизанская детвора — народ сообразительный. Перешептались девчонки и решили немцев в плен взять и привести в лагерь, как Ленька Фюнфкиндера. То-то будет диво!

Девчонки в поисках ягод не раз рисковали лазить по трясинам, знали, как зайти и как выбраться. Быстро сплели из ивовых прутьев две пары болотных лыж. Интересные такие — для рук и для ног, чтобы ползать на четвереньках,

тогда не опасно. И вот Манечка — она была всему делу заводиловкой — тронулась на выручку.

На всякий случай белый платочек на прутик повязала, как парламентар, размахивает им и смеется. И подружки, из кустов выглядывая, хихикают. — Маня! Манечка, ты им по-немецки спой. Песенку. А то испугаются «рус партизан». Палить начнут. Пой, Манечка!

И Манечка, подойдя поближе, запела, как выучил Фюнфкиндер:

— «О танненбаум, о танненбаум»...

И весело подружкам, и страшно за Манечку. Все же к фашистам идет...

Правда, немцы разные бывают, а вдруг эти не такие, как Фюнфкиндер. Ну, да зачем же им убивать Манечку, если она их выручать хочет?.. Маленькая, не тронут...

А главное — по-ихнему говорить может: и «данке зер», и «гутен таг», и все такое... Объяснит, что вреда им не будет, спасутся, если будут выползать по одному, без оружия...

Манечка поет — а немцы молчат. Тревожно что-то стало девчонкам, затаились, глядят. Не звери же они. Звери и те детей не трогают. Только бешеные волки... Манечка — ничего, идет себе бесстрашно. Ближе, ближе...

Вдруг как грянет стрельба. Так она и повалилась, Манечка.

Закричали девчонки, как подраненные, и бросились бежать. Вот тут и наткнулись на них партизаны.

Чернее тучи пришли они в лагерь. А Власыч весь белый стал...

Увидел это Фюнфкиндер, и сердце у него сжалось, дыхание перехватило.

Когда узналось — плач поднялся в лагере ужасный. Плакали по Манечке все. Даже Ленька, презиравший слезы.

Держался только Фролов.

— Такое преступление не может пройти безнаказанно. Сейчас мы устроим суд, товарищи, — сказал он.

Выбрали заседателей от всех поколений — от девчонок и мальчишек, от стариков и старух, и представителем от немецких солдат — Фюнфкиндера. Объяснили ему это и засели.

Председателем сам Фролов. Выступил, рассказал, каким тяжким воинским преступлением является убийство парламентаря. Он все уставы знал.

Потом предоставил слово свидетелям. Рассказали очевидцы, как дело было, как убили фашистские военные чины русскую девочку Манечку, шедшую вызволить их из трясины.

Все это растолковывали Фюнфкиндеру. И он понимал. Красными пятнами покрывалось лицо его, на лбу вздувались синие жилы. Когда все было выяснено, Фролов обвел глазами заседателей и спросил:

— Какого наказания заслуживают фашистские военные преступники? Молчат люди, на Фюнфкиндера смотрят. Пусть немец первым скажет, о его нации речь идет. Власыч стукнул его по плечу жесткой ладонью и, заглядывая в глаза, сказал:

— Ну, высказывайся по совести, немец. Запишем твоё ценное мнение. Все подпишемся и протокол суда самому Гитлеру пошлем, фашистскому командованию. Пусть знают, что судим мы, партизаны, судом праведным. Вот как. И ты, как имеющий чин и звание в немецкой армии, своей подписью это засвидетельствуешь. Чтобы знали, что трибунал наш был международным!

Говорит, а сам автомат сжимает так, что белеют пальцы. Как же — ведь Манечка-то не чужая ему была, внучка.

Молчал Фюнфкиндер, потупя глаза.

Примолкли и заседатели и все люди и затаив дыхание ждали, что промолвит немец.

— Ну, — вставая, спросил Фролов, — что же ты скажешь, Фюнфкиндер, от имени трудящихся немцев, одетых в военные шинели? Какой должен быть приговор убийцам детей, военным преступникам, стреляющим в парламентаров, спрашиваю тебя окончательно? А чтобы воля твоя была свободна, даем тебе партизанскую святую клятву, что при любом мнении волос не упадет с головы твоей. Суди по чистой совести, представитель немецких солдат!

Сказал так, и только ветер пронесся по камышам. И стало тихо-тихо. Поднял глаза Фюнфкиндер, посмотрел на небо, на землю, обвел взглядом людей и промолвил какие-то страшные слова побелевшими губами. Потом перевел по-русски:

— Смерть им! Смерть!

Взял перо, поставил свою подпись под бумагой, подул на нее, как на горячую, отошел в сторону и заплакал.

Зашумели, зашептались женщины, отвернулись старики. А Власыч вдруг подскочил к Фюнфкиндеру, обнял за плечи и закричал в ухо:

— Ну чего ты, чего? Не реви, дура! Боишься, что детей своих осудил на смерть? Как узнается в Германии твоё мнение, так забьют их гитлеровцы в гестапо? Чудак ты! Мы же не сейчас протокол суда пошлем, а после войны. В международный трибунал представим, вот куда, понял? Ну, опомнись, Фюнфкиндер!

Какое там! Взглянув на своего самого страшного врага, утешающего его, немец почему-то еще сильнее заплакал. Ушел в камыши и долго сидел в одиночестве. А потом починил противотанковое ружье трофейное и пошел

вместе со всеми партизанами приводить приговор в исполнение. Трясина не выпустила преступников. Вначале в ней скрылся самолет, потом стала засасывать его команду и пассажиров в полковничьих и генеральских мундирах. Партизанские пули прекратили их мучения. Вот и все.

А уж что там дальше было, точно неизвестно. По слухам, партизанский лагерь этот все-таки разгромили немцы. Уж очень досадили им партизаны, ловко сшибавшие из противотанковых ружей и трофейных пулеметов транспортные самолеты. Разбомбили они болото. Много людей побили, поранили. Контуженого Леньку, чуть не захлебнувшегося в болоте, спас пленный немец, прижившийся среди наших, и сам, сильно израненный, был вместе с ним вывезен на Большую землю. Хотя это недостоверно, но похоже на правду.

И, если получим письмо от бывшего Леньки, который, став командиром, инженером, механиком, ученым или еще кем, побывал в гостях у бывшего пленного Фюнфкиндера, где-нибудь в Германской Демократической Республике, где строится новая жизнь, это будет самым правдивым концом этой сказки. Страшной сказки про войну, в которой злой фашизм, околдовав простых людей Германии, послал их убивать своих лучших друзей — рабочих и крестьян Советской страны.

Если трудящиеся всего мира объединятся — развеются в прах вражьи чары, и такие ужасные дела останутся только в сказках.

А пока этого не случилось — мы крепко будем любить и беречь нашу Советскую Армию, служить в ней. Смело и умело владеть оружием, да таким, что ни один враг не проникнет больше в наши поля и рощи, не загонит жителей городов и сел в леса и болота. Нет, больше таким сказкам не бывать!